

Не теряйте надежды и совести, не впадайте в грех уныния, не складывайте оружия, не опускайте рук. Хватит заживо гнить в своих уютных капканах. Покиньте свои пыльные, затхлые закоулки — выйдите на свет безбожный, вдохните полной грудью. Родина ждет вас — безнадежно-молодых, отчаянных и непокорных. Требуйте и достигайте невозможного! Наступите на горло своей тоске, апатии, лени. Казните свой страх. Действуйте так, чтобы Смерть бежала от вас в ужасе. Мир держится — пока еще держится! — на каждом из нас — живом и непобедимом. И пусть нас мало — нас и всегда было немного — но именно мы двигали и движем историю, гоним ее вперед по сияющей спирали. Туда, где времени не было, нет и не будет. В вечность. Так не позорьте же себя и свое будущее. Встаньте!

Егор Летов

ПРОЛОГ

4 октября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
Покров-17, Калужская область*

Шел солдат, упал солдат
В желтую траву,
В бесконечный звездопад,
В сказку наяву.

И тогда пришел за ним,
Бел и шестикрыл,
Многоокий серафим
И заговорил.

Говорит: «Ты будешь сном,
Будешь тишиной,
Будешь ночью, будешь днем,
Небом и луной,

И глаза твои чисты,
И лицо черно.
Я принес тебе цветы —
Так заведено.

Спи, солдат, как спят в ночи
Горы и холмы,
Спи спокойно и молчи,
Стань таким, как мы.

Спи, солдат, как спит река,
Спи, как тень и прах,
Спи, как лодка рыбака
Дремлет на волнах,

Уподобившись нулю,
Станешь нам, как брат».

«Я не сплю, не сплю, не сплю», —
Говорит солдат.

Эти стихи я перечитываю, когда еду в автобусе до Покрова-17.

Строго говоря, так называется и город, и закрытая территория вокруг него. То есть я еду из Покрова-17 в Покров-17.

Это ржавый трясущийся УАЗ-«буханка». За рулем небритый сорокалетний мужик в потасканном камуфляже, на его коленях укороченный автомат Калашникова. Водитель нервничает и покусывает нижнюю губу, потому что хочет курить, но отвлекаться от дороги нельзя.

Кроме меня и водителя в автобусе еще трое. Они тоже в камуфляже и с автоматами, в черных вязаных шапках. У них уставшие лица. Они не смотрят на меня. Я не смотрю на них.

У меня тоже автомат. Я научился им пользоваться. Это оказалось очень просто.

По радио, прорываясь через скрипучие помехи, играет Анжелика Варум. Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...

Водителю, видимо, не нравится эта песня, и он поворачивает ручку приемника. Гнусавый диктор говорит, что возле Дома Советов возобновилась стрельба. Прямо сейчас танки ведут прицельный огонь по верхним этажам здания. Внутри продолжается пожар. Слышны автоматные очереди. Счет раненых идет на десятки.

Водитель хмурится и выключает радио. Теперь ему хочется курить еще больше.

Кажется, в Москве все идет к концу. Здесь, в этой отрезанной от внешнего мира зоне, на этой потерянной территории, огражденной блокпостами и колючей проволокой, скоро все тоже кончится.

По окну автобуса стекают капли дождя, за стеклом серое небо и грязно-желтое поле. Впереди город. Я укутываюсь в шарф, потому что из окна дует прямо в шею. На распоротой кожаной обшивке сиденья прямо передо мной нарисованы черным фломастером серп, молот и звезда.

Я надвигаю на лоб шапку, чтобы никто не видел, во что я превращаюсь. Это не самое приятное зрелище. Хотя всем, конечно, плевать, потому что все уже давно это знают. Даже мне наплевать. Просто я не хочу лишний раз думать об этом.

Мои глаза скрывают темные очки, чтобы никто не видел, что с ними происходит. На мне грязная солдатская куртка с длинными рукавами, в которых можно прятать кисти рук. Я потолстел, хотя почти не ем. Мне удалось сохранить рассудок, но можно ли назвать это рассудком?

Я закрываю глаза и вспоминаю, как выходили из утреннего тумана черные тени с красными нимбами, как приближались ко мне, не переставляя ног, будто картонные силуэты, влекомые ветром. Они обступают меня со всех сторон. У них нет лиц, но я знаю, что они смотрят на меня.

Я знаю, что со мной происходит, и делаю только то, что теперь имеет смысл.

За эти дни я узнал о Покрове-17 почти все, что хотел. Почти все. Теперь надо узнать самое главное.

Поэтому я еду из Покрова-17 в Покров-17 и перечитываю стихи в блокноте.

Я понял одну важную вещь о моей книге. Всегда казалось, что в этой героической сказке о великой войне нет ни слова правды. Это не так.

Эта книга — самое правдивое, что я когда-либо писал.

Кажется, благодаря ей начинаю понимать, кто я на самом деле.

Я еду из Покрова-17 в Покров-17, чтобы добраться до Объекта и поставить точку.

Я знаю, как победить смерть.

Меня зовут Андрей Тихонов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

21 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
Покров-17, Калужская область*

Я совершенно ничего не понимал. Сначала даже не мог вспомнить, кто я и как меня зовут. Будто только что вышел из больного коматозного сна.

Болела голова, в глазах двоилось и темнело.

Я сидел за рулем моих стареньких «Жигулей». Машина стояла с включенными фарами на обочине шоссе, а вдалеке на краю темно-синего неба пробивалась голубая полоска рассвета — или нет, или это закат? Часы показывали 7:30. Для вечера слишком темно. Значит, рассвет.

Ровно гудел мотор. Из-за опущенного стекла пахло бензином и мокрой травой.

А потом я увидел, что рядом со мной в машине сидит мертвец в милицейском кителе с погонами майора.

Несколько секунд я смотрел на него.

Покойник сидел в кресле с запрокинутой головой и открытым ртом, из его груди торчала рукоять финского ножа. По кителю растекалось пятно черной крови. Из-под сбитой набекрень синей фуражки торчала прядь светлых волос.

У меня задрожали колени, к горлу подступила тошнота. Я смотрел в его лицо — бледное, с посиневшими губами и мутно-белесым взглядом.

Закрыв глаза, глубоко вдохнул, снова посмотрел на мертвеца, выдохнул и опустил лицо на руль, закрывшись руками.

Все выглядело реальным — и я, оказавшийся за рулем своей машины на обочине какого-то шоссе черт знает где, и рассвет впереди, и мертвец в синем кителе, и нож в его груди. Запах бензина и мокрой травы.

Как я здесь оказался?

Как, мать вашу, я здесь оказался?

Я же не спал, совершенно точно не спал и вроде не терял сознания — или терял?

Происходящее осознавалось медленно, голова соображала с трудом, будто в ней тяжело скрипели ржавые шестеренки.

Открытый бардачок, в нем фотоаппарат, пачка «Мальборо», зажигалка, кассеты — группа «На-На», «ДДТ», Иосиф Кобзон, а еще «Русское поле экспериментов» «Гражданской обороны» — пустая коробка, видимо, кассета в магнитофоне, кажется, я слушал ее по дороге — да, точно.

В свете фар посреди густой утренней синевы клубился туман, воздух был сырым и холодным.

Я посмотрел в зеркало.

Да, и это я, я узнал себя. Меня зовут Андрей Васильевич Тихонов. Я журналист и писатель. Я приехал сюда... Да черт, зачем я приехал сюда?!

Вот мое лицо, оно мне не нравится: одутловатое, с морщинами на лбу и вокруг губ, рыхлый подбородок, старые очки, из-за которых глаза кажутся маленькими черными угольками, редкие темные волосы с проседью. Куда ты полез, дед, ну куда ты полез...

Я еще раз глубоко вдохнул и снова выдохнул.

Я решил, что надо прийти в себя и разобраться. Я приехал сюда из Калуги. Где бы я сейчас ни был, сюда я точно приехал

из Калуги, я выехал оттуда днем. Куда? Куда я ехал? Что это за человек?

В конце концов все вопросы упирались в три основных: «что я здесь делаю», «как я здесь оказался» и «откуда здесь мертвец». На эти вопросы я ответить не мог.

Было страшно.

Чирикали первые утренние птицы и стрекотали насекомые. Полоска рассвета на горизонте посветлела до голубовато-белесого.

Я снова взглянул на мертвого майора, и шок от его вида сменился омерзением вместе с ненавистью и брезгливостью.

Я отстегнул ремень безопасности, потянулся через тело к двери с другой стороны, стараясь делать это осторожно, лишь бы не коснуться мертвеца — он отвратителен, он сама мерзость, мне показалось, что я сам заражусь смертью и умру, если прикоснусь к нему.

Я открыл дверцу нараспашку, а потом попытался вытолкнуть мертвеца ногой из машины. Труп оказался слишком тяжелым. Я оперся рукой о спинку своего сиденья, прислонился спиной к двери и толкнул мертвеца обеими ногами — одной в бок, другой в бедро. Труп покачнулся и вывалился из машины наполовину. Я пнул его еще раз и еще, и тело незнакомца рухнуло на обочину.

Какая мерзость.

Тело свело брезгливой судорогой, я вздрогнул, поморщился и захлопнул дверцу.

Кем бы он ни был, одной проблемой теперь точно меньше. Лучше не думать об этом.

Нет, не меньше. Ни хрена не меньше. У меня в машине сидел покойник. Сраный мертвец, майор милиции с ножом в груди. Мертвый, абсолютно мертвый, весь в крови. Господи, откуда?

Стало холоднее. Я запахнул серый пиджак, накинутый на свитер, поежился, снова огляделся, дрожащей рукой достал из

бардачка пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, закурил, выдохнул дым прямо в лобовое стекло и сказал вслух первое слово после того, как пришел в себя.

— Говнище, — сказал я.

Это было все, что я мог сказать.

Услышав собственный голос, неровный и хриплый, я почувствовал себя лучше и немного спокойнее, насколько вообще можно быть спокойным в такой ситуации.

— Говнище, — повторил я громче и четче.

Надо ехать. Черт знает куда, лишь бы подальше от этого трупa на обочине — а там, может, и появятся какие-нибудь мысли о том, как я тут оказался и что делать дальше.

Я побарабанил пальцами по рулю, взглянул направо, будто проверяя, не встал ли вдруг мертвец на ноги, надавил на педаль газа, тронулся и вырулил с обочины на трассу.

Дорога постепенно приводила мысли в порядок. Линия рассвета впереди окрасилась багровыми прожилками, воздух становился светлее и прозрачнее. На темных лугах по сторонам дороги лежал туман.

Надо было дышать. Я дышал ровно, глубоко, размеренно, насыщая мозг этим сырым предрассветным воздухом, и боль в голове уходила, а мозг начинал лучше соображать.

Я вспоминал, зачем сюда приехал.

Я должен был собрать для статьи информацию о ЗАТО «Покров-17». Закрытая территория с 1981 года, около сотни квадратных километров, и никто не знает, что там — ведь туда никто никогда еще не попадал, и никто оттуда не выбирался. Только раз в неделю, говорят местные, через блокпост проезжают военные грузовики с продуктами. Наверное, с продуктами.

Кто там живет и что там происходит, тоже никто не знает. О других закрытых городах есть хотя бы более или менее достоверные слухи. Где-то ядерное оружие, где-то химическое, какие-то уже рассекретили или разворовали, какие-то только собираются, а здесь — ничего. Глухо. Не принимать же во вни-

мание безумные теории всяких фриков вроде Юрия Куропаткина и его газеты «Голос Галактики».

Мысли прояснились.

Итак.

Днем 19 сентября я выехал из Калуги по направлению к этой территории. Но я не собирался отправляться в сам Покров-17, да и как туда попасть — это место закрыто блокпостами и обнесено колючей проволокой, вышки, прожекторы, военные, собаки... Нужно было подъехать на максимально безопасное расстояние, чтобы не заинтересовались солдаты, сделать несколько заметок и фотографий, поговорить с жителями окрестных сел.

Даже в какой-то мере хорошо, что в стране полный бардак. Может, хоть теперь что-нибудь удастся выяснить.

Вспомнился главный редактор, Пискарев, с его вечно скептическим выражением лица, с черными усами, острым носом и модными полутемными очками в толстой оправе. В тот вечер он ходил кругами по редакции, спрятав руки в карманы новенького турецкого пиджака, и рассказывал, что нужно от материала.

— Андрей Васильевич, вы поедете в неприятное место, — говорил он. — Но и оплата, как я сказал, будет в тройном размере. Вам надо будет рассказать читателю о том, чего он вообще никогда не знал. Все знают сейчас и про Чернобыль, и про кучу всяких ЗАТО с ядерным оружием, а про Покров-17 мы сами узнали буквально пару месяцев назад. Как такое возможно? С восемьдесят первого года держать такой режим секретности... Я когда узнал — не поверил. Сейчас же все в полной жопе, хочешь — атомную подлодку купи со всеми секретами, были бы деньги, а тут...

— Вы правы, — говорил я. — Скажу честно, не особо рассчитываю узнать, что именно там происходит, потому что с таким режимом...

— Нет-нет, — замахал руками Пискарев. — Даже не пытайтесь пробираться внутрь, вы нам нужны живым и на свободе.

Поговорите с местными, которые живут рядом, не приближайтесь к периметру. Нам нужен хороший материал, но не такой ценой. Не рискуйте, умоляю, голову же потом с меня снимут. Вы еще можете туда вставить несколько слов о войне — у вас же в книге как раз про эти места?

— Да, там был поселок Недельное и были жестокие бои, но с тех пор это место, видимо, сильно изменилось. Даже город построили. Построили и через пятнадцать лет закрыли...

— Умоляю, Андрей Васильевич, вы нам еще очень нужны, не рискуйте, ради бога.

Я не собирался рисковать.

Еще бы.

Сейчас бы в пятьдесят два года рисковать ради газетной статьи. Я уже рисковал, когда оказался на первомайских беспорядках в Москве. Видел, как человеку разбили голову, а потом тот лежал в крови и не двигался. Потом меня утатила толпа, чуть не затоптали бегущие люди, я впервые испытал настоящий страх за свою жизнь. Этого хватило*.

Через четыре дня после разговора с Пискаревым я выехал на машине от Москвы до Калуги. Эти «Жигули» я купил два года назад, потратив все сбережения и добавив гонорар за книгу. Так далеко на машине я еще не выбирался.

Гостиница в Калуге, отвратительный завтрак, остывшая яичница, прогулка до музея Циолковского, постоять и покурить с красивым видом на реку, потом снова гостиница, поспать пару часов, перекусить, снова сесть в машину.

По радио рассказывали, что в Москве творится какая-то чертовщина. Хасбулатов, Верховный совет... Я очень хотел спать и не понимал, что происходит. Радио пришлось выключить — клонило в сон.

* 1 мая 1993 года в Москве милиция разогнала праздничное шествие коммунистов.

Что было дальше? После того, как я выехал из Калуги и вы-
рулил через Малоярославец на дорогу к Покрову-17?

Что было дальше?

Я не помнил. И до сих пор этого не помню.

Каждый раз, когда я вспоминал мертвеца, по спине пробе-
гала дрожь и шею сводило судорогой; я старался прогнать эти
мысли, но не мог, перед глазами стояло его мертвое лицо, его
опустевший взгляд и нож, торчащий из груди.

Спустя десять минут поездки по трассе я увидел на обочине
голосующего человека.

Отлично. Теперь будет хотя бы понятно, что это за место.

Я сбавил скорость и увидел в свете фар невысокого лысого
мужчину в камуфляжной куртке с сизым воротником.

Ура. Хотя бы не мертвец.

Впервые за все это время я улыбнулся собственной дурац-
кой шутке, сбавил скорость и затормозил.

Мужчина в куртке тоже заулыбался и ускоренным шагом
двинулся к машине. Его улыбка мне не очень понравилась.

Я разблокировал дверцу.

Мужчина резко распахнул ее, просунул голову в салон и на-
ставил мне в лицо обрез двустволки.

— Гони в Светлое, дед. Быстро.

Человек криво улыбался, обнажив зуб с золотой коронкой,
его лицо было одутловатым и с недельной щетиной. Обрез смо-
трел черным дулом прямо в мои глаза.

Говнище.

Странно, но я даже не чувствовал страха, а слова пришли
на язык сами собой.

— Я не дед, — сказал я. — Мне пятьдесят два.

— А выглядишь как дед, — продолжил мужчина с обрезом,
не переставая криво улыбаться. — Давай, гони в Светлое.

Он говорил с ярким южнорусским «гэканьем» — я раньше
думал, что так говорят только на Украине, но оказалось, что

звук «г» так произносят почти по всей южной России, вплоть до Калужской и Брянской областей.

Он забрался на сиденье и захлопнул дверцу, не отводя ствол. Теперь он упирался мне в бок.

Лучше делать то, что говорит этот человек с обрезом. Ни разу в жизни на меня не наставляли оружие. Непонятно, что обычно делают в таких ситуациях. Наверное, то, что скажут. Логично.

— Хорошо, — я развел руками. — Но я даже не знаю, где это твое Светлое.

— Ты нездешний, что ли, а? — с подозрением спросил мужчина.

Я покачал головой.

— Да не заливай, — мужчина вдруг оживился, его глаза нездорово заблестели. — А выглядишь как здешний. Что заливаешь тут? Машина у тебя... Вот уж не думал, да. Повезло мне с тобой. Так откуда ты, а? Из «Прорыва»? Из ментов? Нет, если б из ментов, я бы тебя запомнил, значит, из «Прорыва»?

Он говорил быстро и оживленно, будто очень давно ни с кем не общался и теперь наконец прорвало. Голос его звучал неприятно. Нужно было вести себя максимально осторожно: незнакомец явно на взводе. Обрез, видимо, тоже.

— Тем не менее я не отсюда, — терпеливо повторил я.

— А откуда? И как сюда попал? Сюда же хрен попадешь, ты чо, ты чо, а? — он придвинулся поближе. — Ты чо врешь мне, а? А машина откуда? Тут «Жигулей» вообще не бывало, все тачки по пальцам можно пересчитать. Погодь, да у тебя рукав в крови... Что, мочканул кого? Мочканул уже? Ну ты, дед, даешь, а...

Я покосился на рукав пиджака: он действительно испачкался в крови.

— Слушай, — сказал я. — Убери свой обрез, он заставляет меня нервничать, а когда я нервничаю, я плохо веду машину. Ты мог бы просто по-человечески попросить подбросить тебя до своего Светлого. Может, и мочканул. Какое твое дело?

Опять странно. Я никогда не переходил с незнакомцами на «ты», даже если те вели себя по-хамски. Мужчина в камуфляжной куртке хрипло гыгыкнул, но обрез не убрал. Он выглядел и разговаривал как типичный зэк. Я видел таких, когда в восемьдесят седьмом писал серию заметок об исправительно-трудовой колонии в Саратовской области.

— Короче, — сказал он. — Если не знаешь, где Светлое, я покажу. Это прямо пятнадцать километров, потом на дорожку свернуть... Мне надо там поговорить с одним человечком, ага, прямо очень вот надо... Ствол не уберу. Раз ты кого-то уже мочканул, то и меня можешь мочкануть, а? Можешь? Можешь, вижу, что можешь...

— Ладно, давай поедем в твое Светлое. Только скажи мне...

Я на секунду замолчал, пытаюсь сформулировать вопрос так, чтобы он не казался слишком идиотским.

— Мы вообще где?

Не получилось.

— Ты как тут оказался, дед? — незнакомец быстро огляделся вокруг и снова недоверчиво уставился на меня. — По тебе же видно, что здешний, ну очень похож, да...

— Если бы я сам знал, — я вздохнул. — Послушай, я не дед. Я писатель. Андрей Васильевич Тихонов. Читал?

Незнакомец покачал головой.

Черт с ним.

Я надавил на газ, осторожно тронулся с места и продолжил заговаривать зубы.

— Я написал книжку о боях за поселок Недельное во время Великой Отечественной, он был тут до появления Покрова-17, этот поселок, потом черт знает, что с ним стало, но суть не в этом. «На Калужский большак», так называется книжка. А сейчас я пишу статью для газеты про Покров-17. Я хотел добраться до этих мест, расспросить местных...

— Ты в Покрове-17, — сказал незнакомец. — Как пропуск раздобыл, а?

— Я не раздобыл пропуск, — ответил я. — Не знаю, как сюда попал. Просто пришел в сознание тут, на обочине.

— Заливаешь мне тут... Раз пропуск раздобыл, значит, знаешь, как отсюда выбраться. А я как раз и хочу отсюда выбраться. А ты? Ты хочешь отсюда выбраться?

— Не знаю, — сказал я.

— Дурак, дед. Отсюда все хотят выбраться. Только никто не может. Ты, это... — он, кажется, немного расслабился. — Ты говоришь, книжку про войну написал. Воевал?

— Нет, — мне стало забавно, и я улыбнулся, глядя перед собой на трассу. — Как я мог воевать, мне же пятьдесят два года, я в сорок первом только родился.

— А выглядишь, как будто воевал.

Как же он надоел.

Я не умел общаться с такими людьми. Вернее было бы сказать — не любил.

Когда мы проехали еще десять километров по трассе, впереди на горизонте показался алый край солнца, лучи рассвета вспыхнули бликом на лобовом стекле. Я поморщился, но от солнца стало легче и спокойнее.

Незнакомец по-прежнему не убирал обрез. Он выглядел уставшим, но напряженным. Судя по красным глазам, он не спал всю ночь.

— Раз уж так, — сказал я. — Скажи хотя бы, как тебя зовут и откуда ты вообще.

— Допустим, Леша, — ответил незнакомец. — Обычно меня звали Блестящий. Из-за лысины, ага.

— Что-то подсказывает, что ты каким-то образом связан с не очень законными делами. Даже не знаю что. Кличка? Внешний вид? Твой обрез?

Блестящий ухмыльнулся и не стал отвечать.

Мой козырь сейчас — разговорить человека с обрезом, попробовать если не расположить его к себе, то хотя бы вывести на нейтральное отношение. Успокоить, в конце концов.

— Ты лучше расскажи мне про это место. Что здесь вообще? Тут разве не один городок?

— Городок... — протянул Блестящий. — Зона-то большая. Тут три деревеньки, Светлое, Железное и Колодец. Есть железнодорожная станция, но туда лучше не соваться. Ну и в самом центре... Небольшой городок, да, это и есть Покров-17. Там институт какой-то, где ученые работают, менты и солдаты туда-сюда мотаются, там почти все дома пустые, ну, знаешь, панельки пятиэтажные. А ты что, на экскурсию приехал? Какого хрена я тебе тут все рассказываю?

— А от тебя убудет? — я не переставал удивляться своей наглости.

Блестящий снова хрипло хохотнул.

— Да и правда, хрена ты турист такой, не могу... Ну про Черный Покров и объект хоть знаешь?

— Что?

Блестящий снова хищно заулыбался, сверкнул золотым зубом, прищурился.

— Да ты гонишь, дед... Как сирены выли, не помнишь?

— Нет. Что это вообще?

— Значит, увидишь еще. Ну, как увидишь... — он усмехнулся.

Казалось, Блестящий стал относиться ко мне чуть теплее. Значит, сработало. Я ненавижу конфликтовать с людьми. Всегда лучше втереться в доверие, расположить, уболтать. Даже если на тебя наставили обреза.

— А чем вы тут тогда занимаетесь? — спросил я.

— Челноки мы, дед. В Химки ездим. Деревянными членами торгуем.

— Что?

Блестящий расхохотался, брызнул слюной, кашлянул.

— Да шучу, боже ж ты мой. Выживаем. Как можем. Я вот с обрезом выживаю. Лучше, чем без обреза.

— Слушай, убери его уже, я нервничаю, — сказал я.

— Хер тебе. Вот там видишь поворот? Нам туда.

Что ж, не сработало.

Когда машина подъезжала к повороту, Блестящий покосился взглядом на открытый бардачок.

— О, что за музыка у тебя? Русское поле... чего? Экспериментов? Народные песни что ли слушаешь? «На-На» не слышал. Поставь что-нибудь, нам еще минут десять ехать.

Народные песни. Ага.

Я вдавил кнопку проигрывателя. Раздался хриплый, протажный голос вперемешку с потрескиваниями и шипением:

Набить до отказа собой могилу —
Это значит наследовать землю.
Что же такое наследовать землю?
Это значит исчерпать терпение,
Что и требовалось доказать...

— Вырубай, башка щас лопнет, — сказал Блестящий. — Что ты только слушаешь... Батя у меня таким голосом орал, когда пьяный был.

Я выключил проигрыватель. Ну конечно, подумал я, ничего удивительного.

О «Гражданской обороне» я узнал в 92-м году, когда пришел на встречу со студентами факультета журналистики МГУ. Один наглый долговязый парень вместо того, чтобы поддерживать разговор о книгах или о журналистике, спросил, слушаю ли я современный российский рок. Я тогда засмеялся. Я вообще редко слушал музыку.

А долговязый не унимался и продолжал говорить: послушайте, мол, «Гражданскую оборону», я уверен, что вам должно понравиться. Я потом совершенно позабыл об этом, а потом, гуляя по Арбату, наткнулся на надпись черным фломастером на стене: «Гражданская оборона», где буквы «а» были стилизованы под символ анархии. Вспомнил, спустя пару дней ради любопытства раздобыл у знакомых самопальную кассету с криво

напечатанным черно-белым вкладышем, поставил дома в магнитофон — и ошалел.

— Время сейчас такое говно, — продолжал Блестящий. — Вроде и посвободнее, караулы ослабили, на армию совсем болт положили, а грузовики с продуктами ходят реже, и жратвы стало меньше, черт его знает, дед, что будет... Нас тут все забыли нахер. Горбачев забыл, а Ельцин с Гайдаром своим и Чубайсом и подавно забыли. Ты писатель, да, так пиши, пиши! Про всё напиши! Как нас тут забыли, как мы тут живем как звери, как боимся... Ты же не знаешь, да, точно, ты же не знаешь! Ха!

Он наклонился — из его рта воняло — и понизил голос до хриплого шепота:

— Тут жесь происходит, понимаешь? Тут страшно. Тут Черный Покров. Тут мертвые святые ходят теньями. И твари эти, и люди как чудовища, и чудовища как люди...

Пока Блестящий говорил это, лицо его выглядело совсем иначе, будто у испуганного ребенка.

— Что за... О чем ты? — ошарашенно спросил я.

— Весело тебе тут будет, дедуль, — Блестящий снова криво улыбнулся и замолчал.

Мы свернули с трассы и выехали с асфальта на грунтовую дорогу, проходящую через сосновый лес. Машину затрясло сильнее. Вскоре за очередным поворотом кончился лес, и за ржавой перекошенной табличкой с надписью «Светлое» показалась деревня.

Мы проехали несколько покосившихся домиков с крышами из дырявого рубероида, с длинными покосившимися заборами и разросшимися палисадниками, со штабелями гнилых досок, накрытых брезентом. Людей на улице не было.

— Уже почти, — сказал Блестящий. — Вот у этого дома останови.

Я подвел машину к дому, на который он указал.

— Выходи, — скомандовал Блестящий.

Пришлось открыть дверь и выйти из машины.

— Отдай ключи, — сказал Блестящий.

— Зачем?

— Чтобы ты не сбежал. Думаешь, я тут найду хоть еще одного придурка с машиной? Гони давай, таксист.

Я отдал Блестящему ключи, тот сунул их в карман, захлопнул дверцу, хитро посмотрел на меня, ухмыльнулся, снова ткнул мне в лицо обрезом.

— Жди, я недолго. Поговорю с человечком и вернусь.

Я кивнул.

Блестящий пошел к дому в выцветших досках цвета гнилого персика. Медленно, осторожно, сначала заглянул в одно окно с почерневшим наличником, потом в другое. Потом встал у калитки, просунул руку, вытащил крючок с другой стороны. Прошел во двор, поднялся на крыльцо, неуверенно дернул дверь — она оказалась открыта. Потянул дверь на себя и боком протиснулся внутрь.

Я вспомнил, что оставил сигареты в машине. Протиснул руку в открытое окно, нашарил в бардачке пачку, вытащил, зажал в зубах сигарету, закурил.

В доме грохнул выстрел.

Я вздрогнул.

Раздался еще один выстрел. Вдалеке залаяли собаки.

Я крепко сжал пальцами сигарету и затаился, не отводя взгляд от крыльца.

Дверь резко распахнулась, но на крыльцо вышел не Блестящий.

Это был высокий небритый мужик в растянутой белой майке и синих тренировочных штанах. В руке он держал пистолет Макарова.

Он вскинул пистолет и навел на меня ствол.

— Так, ты, урод! Ты еще кто? — резко и нервно крикнул он, не сходя с крыльца.

Я не понимал, что отвечать, но на всякий случай бросил сигарету и поднял руки.

— Я, ну... Я писатель. У меня нет оружия, не надо стрелять.

— Писатель? Ты что тут забыл? Это его машина? — человек с пистолетом кивнул в сторону дверного проема.

Он выглядел так, будто его разбудили с тяжелого похмелья. Опухшее красное лицо, всклокоченные волосы, явно не знавшие мытья как минимум несколько недель, нервные, дерганные движения, сиплый голос.

— Это моя машина, — сказал я. — У него в кармане мои ключи. Мне бы их забрать, и я бы просто уехал отсюда. Я вообще не знаю, кто он.

— Почему вы вместе? — вскрикнул человек, медленно сходя с крыльца и не отводя пистолет.

— Мы не то чтобы вместе... Он тоже угрожал мне оружием и заставил приехать сюда.

— Ты мне не заливай, урод, — незнакомец медленно приближался, продолжая держать меня на мушке. — Ты откуда вообще? Из «Прорыва»? Из ментов?

— Я не отсюда.

— А похож на местного. Ладно. Был бы из ментов, я б тебя помнил.

Кажется, где-то я уже слышал это.

Подойдя ближе, незнакомец внимательно осмотрел меня с ног до головы, потом осмотрел машину, потом снова меня.

Потом опустил пистолет.

— Ладно, — повторил он. — Мне срать, кто ты такой и откуда. Помоги закопать этого.

С этими словами он опять кивнул в сторону дома.

— А меня не застрелишь? — спросил я.

— Не будешь выпендриваться — не застрелю. Пойдем.

Мы поднялись по крыльцу и прошли через сени в избу, слабо освещенную керосиновой лампой. Под ногами скрипели доски.

Классическая деревенская картина — замазанная глиной стена печки, гобелен с оленями на стене, иконы в углу, кровать на пружинах с драным матрасом. Из кухни воняло чем-то пережаренным.

И этот спертый запах затхлой одежды, пыли и старых обоев.

Блестящий лежал на полу посреди комнаты, нелепо раскинув руки, с открытыми остекленевшими глазами. Полы его камуфляжной куртки разметало в стороны, по футболке на животе растекалось черное пятно, еще одно, чуть поменьше — на груди.

Второй мертвец за час.

— Разбудил меня, пидор, — сказал незнакомец. — Водки выпьешь?

Кажется, без водки тут никак. Я кивнул, не переставая смотреть на труп Блестящего. Снова стало отвратительно, как тогда, с мертвецом в машине.

— Щас все организуем, папаш, водочка что надо... — сказал незнакомец, спокойно перешагнув через труп.

От него несло нечищеными зубами и перегаром.

— Вы с ним, кажется, не поладили.

— О да-а-а, — протянул он. — Этот дохлый мужик много говна натворил на своем веку. Вредный мужик. Хорошо, что дохлый.

Он подошел к буфету, вытащил бутылку водки, разлил по стаканам.

— Держи, — он протянул стакан прямо через тело Блестящего.

Я залпом выпил, поморщился, крикнул. Водка обожгла нутро.

Незнакомец тоже выпил, поставил стакан.

— Тебя как зовут-то? — спросил он.

— Андрей. Я писатель и журналист. Я тут, чтобы собрать...

Оглавление

Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	41
Глава третья	73
Глава четвертая	100
Глава пятая	121
Глава шестая	144
Глава седьмая	166
Глава восьмая	187
Глава девятая	211
Глава десятая	231
Глава одиннадцатая	250
Глава двенадцатая	268
Глава тринадцатая	282
Эпилог	296

Хитро устроенная, перенасыщенная цитатами химерическая конструкция не просто равномерно движется вперед, но уверенно вовлекает в свое движение читателя. Сложная система культурных отсылок не только не вступает в конфликт с сюжетной динамикой, но, напротив, органично ее подпитывает. Веский повод выучить фамилию «Пелевин» в новом значении.

Галина Юзефович

Для меня очевидно, что теперь я буду следить за творчеством Александра Пелевина и не спутаю его с однофамильцем.

Владислав Толстов

Александр Пелевин идет от авангардной поэзии и русского реализма (подчас социалистического) к остросюжетной прозе, кино и метафизике.

Алексей Колобродов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРРОДЕЦЫ

ISBN 978-5-907220-84-3

9 785907 220843